

7. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. / под ред. В.Г. Базанова. Л.: Наука, 1975. Т. 12. 376 с.

8. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. М.: Правда, 1987. 480 с.

9. *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

10. *Фридендер Г.М.* О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования / Под ред. Г.М. Фридендера. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 7-27.

**«Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского:
между политической теологией и биополитикой**

Яркеев А.В., Ижевск

д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник
Удмуртского филиала Института философии и права,
Уральское отделение РАН

В статье предлагается интерпретация «Легенды о Великом инквизиторе» из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» в аспекте теолого-политической и биополитической проблематики. Политическая теология и биополитика образуют биполярную систему западной власти, определяющей глобальное устройство современного общества. Показывается, что фигура Великого инквизитора является философско-литературным прототипом реальной политики, которая в модусе абсолютной суверенной власти, имеющей теологические истоки, сводит человеческое к «голой жизни» простого биологического существования.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Великий инквизитор, политическая теология, биополитика, биовласть.

A.V. Yarkeev, Izhevsk

**“The Legend of the Grand Inquisitor” by F. Dostoevsky:
between Political Theology and Biopolitics**

The article offers an interpretation of “The Legend of the Grand Inquisitor” from the novel by F. Dostoevsky’s “The Brothers Karamazov” in the aspect of theological-political and biopolitical problems. Political theology and biopolitics form a bipolar system of Western power that determines the global structure of modern society. It is shown that the figure of the Grand Inquisitor is a philosophical and literary prototype of real politics, which, in the mode of absolute sovereign power, having theological origins, reduces the human to the “naked life” of mere biological existence.

Keywords: F. Dostoevsky, the Grand Inquisitor, political theology, biopolitics, bio-power.

Трудно не согласиться с мнением, что «Братья Карамазовы» Достоевского – один из величайших романов из когда-либо написанных, а «Легенда о Великом инквизиторе» представляет собой одно из высочайших достижений мировой литературы [11, с. 285]. Роман по праву считается одним из самых полемичных, ему посвящена обширная философско-литературная герменевтика, рецепция смыслов разворачивается в диапазоне между диаметрально противоположными точками зрения, в связи с чем Р. Бэлнеп, один из исследователей творчества Ф. Достоевского, резонно сетует: «Можно прийти в отчаяние от того, что один роман способен выразить взгляды, далеко отстоящие друг от друга, как сенсуализм и аскетизм, атеизм и католицизм, или православие, или сатанизм» [5, с. 25]. Как известно, «Легенда о Великом инквизиторе», вложенная автором в уста Ивана Карамазова в качестве «фантастической поэмы», образует только небольшой эпизод романа, но связь ее с фабулой романа столь мала, что зачастую она рассматривается отдельно, как самостоятельное произведение. Тем не менее, именно «Легенда», по словам В. Розанова, «составляет как бы душу всего произведения, которое только группируется около нее, как вариации около своей темы; в ней схоронена заветная мысль писателя, без которой не был бы написан не только этот роман, но и многие другие произведения его...» [9, с. 20-21]. «"Великий инквизитор", – отмечает С. Бочаров, – стал итоговым средоточием проблематики человека у Достоевского, сокровенной его проблематики, преломленной в контридеологии инквизитора, философского оппонента, и тем самым обостренно-полемически выговоренной» [4, с. 87]. Ввиду того, что у «Легенды о Великом инквизиторе» имеется очевидное политическое содержание, ниже предлагается ее интерпретация в координатах теолого-политической и биополитической проблематики. Обоснованность такого подхода обусловлена тем, что западная технология власти представляет собой биполярную систему, в которой берут свое начало две антиномические, но неразрывно связанные между собой политические парадигмы, определяющие развитие и глобальное устройство западного общества: политическая теология, утверждающая в фигуре единого Бога трансцендентный характер суверенной власти, и экономическая теология, из которой вырастает современная биополитика [3, с. 13, с. 115].

Мрачная фигура Великого инквизитора, созданного гением Ф. Достоевского, лишь по видимости относится к христианскому Средневековью, тогда как на самом деле принадлежит к современности: «Как и Фауст, Великий инквизитор есть проекция в XVI век развившихся идеологических противоречий XIX столетия; как в духовном, так и во временном отношении он стоит ближе к таким фигурам, как Гитлер и Геббельс, Сталин и Луначарский, чем к исторически существовавшей испанской инквизиции» [10, с. 288]. Обвинительная речь Великого инквизитора, произнесенная в форме монолога возле смиренно молчащего Спасителя, оказывается манифестацией *modus operandi* циничного политика консервативного толка, персонифицирующего борьбу институционализированной вла-

сти с освободительным движением, государства – с индивидом, политики – с религией, религии – с основателем религии. Главный вопрос-упрек, который ставит Кардинал-Великий инквизитор перед вернувшимся в человеческий мир Иисусом Христом, звучит так: «Зачем же ты пришел нам мешать?»⁷. Претензия Инквизитора, адресованная Спасителю, состоит в том, что Он вернулся как раз в тот момент, когда католическая церковь с помощью инквизиции искоренила остатки христианской свободы, ибо, в чем абсолютно убежден Инквизитор, подлинная свобода людей заключается в повиновении власти ради их же собственного счастья: «Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается». В итоге он выставляет Спасителя за дверь в ночь со словами «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!». Великий инквизитор действует и рассуждает как политический теолог, присвоивший себе право решения вопроса о Спасении с точки зрения безусловной политической компетентности, ибо «Иисус, как он полагает, не способен мыслить политически и не понимает того, что представляет собой в политическом отношении природа человека, а именно: того, что она нуждается во власти. В речи описанного Достоевским кардинала, произнесенной перед сохраняющим молчание узником, мы обнаруживаем истоки современного учения о институтах, которое в этом – и, вероятно, только в этом – месте с уникальной откровенностью признает свою циническую основу, построенную на сознательном, ссылающемся на необходимость обмане» [10, с. 289-290].

В своей небольшой работе «Церковь и Царство» Дж. Агамбен упоминает один из самых ранних текстов в церковной традиции – письмо Св. Климента Римского к коринфянам, начинающееся словами: «Церковь нашего Господа, пребывающая в Риме, Церкви нашего Господа, пребывающего в Коринфе»⁸. Дж. Агамбен поясняет, что на греческом слово *paroikousa* (которое он переводит как «пребывает»⁹), представляет собой термин с очень точным значением. Термин обозначает способ, посредством которого чужеземцы и изгнанники обитают в этом мире. Он противоположен греческому глаголу *katoikein*, который обозначает то, как живет гражданин (города, государства, царства или империи). Таким образом, *paroikein* – слово, которое обозначает то, как христианин должен жить в этом мире и, тем самым, личный опыт мессианского времени. Важно иметь в виду, отмечает Дж. Агамбен, что термин «пребывать» не относится здесь к фиксированному периоду времени, он не обозначает хронологическую длительность.

⁷ Здесь и далее «Легенда о Великом инквизиторе» цитируется по: Достоевский Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. Братья Карамазовы. М.: Художественная литература, 1958. С. 309-332.

⁸ Первое послание св. Климента Римского к Коринфянам. Режим доступа: https://peredelkino.online/upload/iblock/a02/kliment_1.pdf

⁹ Буквально с греческого – странствующая, живущая на чужой стороне (*παροικωσα*). В этом выражалось сознание христиан, что они странники и пришельцы на земле, которые здесь не имеют постоянного местопребывания и права гражданства, но живут в определенном месте этого мира как временно поселившиеся чужестранцы. По всей видимости, такое представление отсылает к утвердившемуся в древнегреческой традиции пониманию изгнания как метафоры совершенной жизни философа. Как известно, Аристотель определял форму жизни философа как «инострannую» (*xenikos bios*).

На этом стоит особо заострить внимание, так как он противоположен тому, что часто называют «задержкой парусии» (*parousia*). Согласно этой позиции, которая всегда казалось парадоксальной, первоначальная христианская община, ожидающая неизбежного прихода мессии и тем самым конца времени, сталкивалась с необъяснимой задержкой. В ответ на эту задержку возникла переориентация на стабилизацию институциональной и юридической организации ранней Церкви. Последствие этой позиции состоит в том, что христианская община прекратила *paroikein* (пребывать как чужеземец), чтобы начать *katoikein*, то есть жить как гражданин и тем самым функционировать как любой другой земной институт. Но тем самым Церковь утратила мессианский опыт времени, который определяет ее и есть одно целое с ней, и закрыла свое эсхатологическое «окно» (15, р. 1-4). Церковь превратилась в обычный мирской институт, существующий в регистре линейно-хронологического времени между Распятием и Страшным судом (поэтому нельзя смешивать мессианский режим времени с апокалиптическим)¹⁰. С учетом этого, пишет Дж. Агамбен, «ясно, что речь идет не о том, чтобы наказывать церковь во имя радикализма за ее мирские компромиссы, а о том, чтобы изображать римскую церковь так, как это делал величайший православный богослов XIX века Фёдор Достоевский, – как Великого Инквизитора»¹¹ [15, р. 27].

Ответом на «задержку парусии» является представление о сдерживающей приход Мессии силе (*katechon*) у апостола Павла из Второго послания фессалоникийцам¹². Как явствует из предсказания, катехон отсрочивает приход Мессии опосредованно, сдерживая предвещающий наступление конца света приход Ан-

¹⁰ Традиционно мы соотносим линейный хронометраж человеческого времени с нововременными институциями (мануфактуры, школы, казармы, колледжи и т.п.) и разделением труда, однако «за пятнадцать веков до этого монашество уже осуществляло в своих обителях – с исключительно моральными и религиозными целями – темпоральное скандирование существования, чья строгость не только не имела прецедентов в античном мире, но в своей бескомпромиссности и абсолютности, возможно, не имеет себе равных и среди любых институтов современности, даже на тейлористском заводе» [1, с. 36-37].

¹¹ По мнению С. Жижека, Церковь «предала изначальное христианство не за счет своей организации, а за счет типа этой организации: апокалиптическое сообщество верующих, существующее в условиях чрезвычайного положения “непрерывной революции”, становится идеологическим аппаратом, легитимизирующим нормальный порядок вещей. Другими словами, в Церкви мы недостаточно активны, давление Второго пришествия снимается, и нам остается лишь жить нашей обыкновенной жизнью, следуя предписанным этико-религиозным правилам, а Спасение придет само» [7, с. 510].

¹² «Молим вас, братья, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: *ибо день тот не придет*, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только *не совершится* до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения» (2 Фес. 2, 1-10).

тихриста. Именно на эту сдерживающую натиск дьявольской анархии силу, считает Дж. Агамбен, опирается западно-христианская политическая традиция [2, с. 144], наиболее ярко обнаруживающая себя у теоретиков консервативной революции (Д. Кортес, Ж. де Местр, К. Шмитт и др.). Так, К. Шмитт, актуализировавший термин «политическая теология» для обозначения фундированности государственно-правовых понятий теологическими понятиями и идеями, открыто ссылаясь на катехон как на источник исторической силы христианского государства и светской политики как таковой [12, с. 35]. В теологических терминах, суверен, определяемый исключительной прерогативой вводить чрезвычайное положение [13, с. 15], играет роль катехона как силы, сдерживающей беспорядок в государстве. Суть, однако, в том, что катехон является *постоянно* действующей силой (в противном случае мы бы уже не существовали, так как наступил бы конец света). Отсюда – перманентное чрезвычайное положение как тривиальное состояние государственно-политической системы. Ввиду того, что в пророчестве апостола Павла «мир и безопасность» относятся к царству Антихриста¹³, модель современной политики, действующей посредством гипертрофированного законодательства и перманентного чрезвычайного положения для предотвращения каких угодно угроз ради порядка и безопасности, оказывается по своей сути инфернальной [15, р. 41]. Великий инквизитор раскрывает Иисусу эту «тайну беззакония уже в действии», о которой предупреждал апостол Павел: «То, что имею сказать тебе, всё тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих. И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с *ним*, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с *ним*, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и доньше не успели еще привести наше дело к полному окончанию».

В ситуации чрезвычайного положения как пространстве суверенной приостановки действия закона каждый человек в качестве «подданного» оказывается в зоне бесправия – он лишается защиты прикрывающих его естественную наготу правовых механизмов, в результате чего остается только голое биологическое существование. Тем самым суверенная власть приобретает облик биополитического управления этой голой жизнью [14, с. 20-21]. Согласно М. Фуко, именно последовательная политизация «голой жизни» превращает политику в биополитику, в границах которой человек рассматривается не как субъект права, а как носитель биологических характеристик и признаков. Плоть же «человеческого материала» требует еды, а не свободы: «Никакая наука, – заявляет Великий инквизитор, – не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: „Лучше поработите нас, но накормите нас“». Он с негодованием упрекает Спасителя, что

¹³ «...Ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью. Ибо, когда будут говорить: “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут» (1 Фес. 5, 2-3).

тот во имя свободы («не хлебом единым жив человек») отверг «единственное абсолютное знамя» – «знамя хлеба земного»: «С хлебом тебе давалось беспспорное знамя: дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет беспспорнее хлеба...». Инквизитор здесь встает на сторону дьявольского духа искушения, который соблазнами испытывал Иисуса в пустыне: «А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои». Ключевое слово тут – «стадо», по отношению к которому власть – это заботящийся о его благополучии пастырь¹⁴, но тем самым извлекающий ради собственного блага «могущество, богатство и престиж из технологий организации жизни» [8, с. 236].

Этот краткий герменевтический набросок некоторых ключевых идей позволяет сделать вывод о том, что своей философско-художественной притчей Ф. Достоевский не только выразил фундаментальные духовные противоречия своего времени, но и предвосхитил эпохальные политические девиации социума XX – нач. XXI вв. Представляется, что тенденция своеобразного «обожествления» биологической основы человеческого существования в биополитическом управлении обществом будет только усиливаться, а это значит, что традиции пастырей-великих инквизиторов и послушных им человеческих стад уготовано, к сожалению, долгое будущее.

Литература

1. *Агамбен Дж.* Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. 216 с.
2. *Агамбен Дж.* Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 224 с.
3. *Агамбен Дж.* Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
4. *Бочаров С.* Пустынный сеятель и великий инквизитор // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: соврем. состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 70-97.
5. *Бэлнеп Р.* Структура «Братьев Карамазовых». СПб.: Академический проект, 1997. 144 с.
6. *Достоевский Ф.* Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. Братья Карамазовы. М.: Художественная литература, 1958. 637 с.
7. *Жижек С.* Монструозность Христа. М.: РИПОЛ классик, 2020. 544 с.
8. *Попов Д.* Конструирование рациональности в биополитике // Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы. Сборник статей I

¹⁴ Сам Ф. Достоевский так комментировал «Легенду о Великом инквизиторе»: «Высокий взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом социальной любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему» [цит. по: 4, с. 71].

Международной научно-практической конференции. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2020. С. 236-241.

9. *Розанов В.* Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского // *Розанов В.* Полное собрание сочинений. СПб.: Росток, 2014. С. 15-164.

10. *Слотердаик П.* Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.

11. *Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство // *Фрейд З.* Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 285-294.

12. *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraem*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.

13. *Шмитт К.* Политическая теология. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000. 336 с.

14. *Яркеев А.* Теологические основания современной власти: опыт деконструкции // *Антиномии*. 2021. Т. 21. № 1. С. 7-26.

15. *Agamben G.* The Church and the Kingdom. London, New York, Calcutta: Seagull Books, 2012. 65 p.